П.Л.БЕЛКОВ

Альтернативная фольклористика, или Как из обычного каталога сотворить «аналитический»?

Что такое «аналитический каталог» д.и.н. Ю.Е.Березкина[1]? С точки зрения теории знаковых систем (семиотики), он совершает поистине детскую ошибку, идя путем замены знаков уже существующей, неоднократно опробованной знаковой системы (системы Аарне) собственными знаками, создаваемыми путем самосозерцания, причем так, что его собственная система утрачивает как свойство обозримости, так и свойство изоморфности. Это два свойства, без которых любая знаковая система необходимым образом становится неработоспособной.

Если бы д.и.н. Ю.Е.Березкин просто сказал, что для его целей ему кажется более удобным работать не с сюжетами, а с мотивами, то к нему не было бы особых претензий, даже если идея неверна сама по себе и, тем более, неверно истолкована. Однако он начинает строить некий доселе невиданный абсолютный каталог подобный Вавилонской башне, демонстрируя полное непонимание прочитанной литературы.

Д.и.н. Ю.Е.Березкин торжественно объявляет указатель Аарне и его продолжателей в лице Томсона и Утера «дефектным» на том основании, что в нем совмещаются под одним номером эпизоды (мотивы. – *ПБ*), которые между собой жестко не связаны и имеют разное ареальное распределение[2]. (Вообще, если разобраться в текстах д.и.н. Ю.Е.Березкина, два основных «дефекта» всех известных указателей должны состоять, во-первых, в том, что это *не его* указатели, и, во-вторых, в том, что эти указатели составлены *грамотно*, с соблюдением правила единообразия синопсиса[3].) Идея, видимо, такова: мотивы мигрируют сами по себе, объединяясь в конгломераты подобно тому, как атомы образуют молекулы.

---

[1] См.: ruthenia/folklore/berezkin/

[2] Березкин Ю.Е. Умная невестка и пленный хан, или то, чего нет в указателях // Радловский сборник. СПб., 2016, с.19.

[3] Надо заметить, с хронометражом у Ю.Е.Березкина тоже не все в порядке. Как известно, для составления каталогов по отдельным этническим группам исследователи, часто не в одиночку, тратят десятилетия. Как Ю.Е.Березкин успел создать каталог, охватывающий весь мировой фольклор, – загадка.

Во-первых, указатель Аарне построен на совершенно иных принципах, чем указатели Томсона и Утера. Аарне специально оговаривал, что при определении типов сюжетов выделение эпизодов или мотивов мешает делу, позволяя исследователю извлечь из Указателя «гораздо меньше пользы»:

> “Den einzelnen Märchentypen sind, soweit möglich, vollständige Erzählungen zu Grunde gelegt worden. Es wäre natürlich auch denkbar gewesen, ein systematisches Verzeichnis der einzelnen **Episoden und Motive** auszuarbeiten, doch hätte dies eine solche Zerstückelung aller vollständigen Märchenerzählungen zur Folge gehabt, dass der Forscher **weit geringeren Nutzen** aus dem Verzeichnis gezogen hätte (выделено мной. – *ПБ*)”[4].

Именно в связи с этим Пропп упрекал Аарне в непоследовательности, поймав его на том, что:

> «Для известной группы сказок Аарне даже делает отступление от своих принципов и вдруг совершенно неожиданно и несколько непоследовательно вместо деления на сюжеты переходит на деление по мотивам. Так распределен им один из его подразрядов, группу, которую он озаглавливает „о глупом чорте»[5].

Во-вторых, о «дефектах» системы Аарне, уже писал, но с бóльшим знанием дела, тот же Пропп:

> «… вполне объективных критериев для отделения одного сюжета от другого нет. Там, где один исследователь будет видеть новый сюжет, другой будет видеть вариант и наоборот»[6].

Список претензий Проппа к указателю Аарне этим не исчерпывается. Однако он, не в пример Ю.Е.Березкину, не отметает систему Аарне, вполне доходчиво объясняя, в чем безусловная заслуга Аарне:

> «Но, как бы то ни было, методы этой школы прежде всего потребовали списка сюжетов.
>
> Составление такого списка и предпринято Аарне.
>
> Список этот вошел в международный обиход и оказал делу изучения сказки крупнейшую услугу: благодаря указателю Аарне стала возможна шифровка сказки. Сюжеты названы Аарне типами, и каждый тип занумерован. Краткое условное обозначение сказок, (в данном слу-

[4] Verzeichnis der märchentypen mit hülfe von fachgenossen ausgearbeitet von AnttI Aarne // FF Communications No. 3 Helsinki 1910, S.V.
[5] Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928, с.21.
[6] Там же, с.19.

чае — ссылкой на номер указателя) очень удобно. В частности, Сказочная Комиссия не смогла бы описать своего материала без этого списка, ибо пересказ 530 сказок потребовал бы много места, а для ознакомления с этим материалом пришлось бы прочесть все пересказы. Сейчас смотрятся одни цифры, и дело ясно с первого взгляда»[7].

По этому поводу можно сказать следующее. Указатель Аарне есть своеобразная система координат и большего от него никто и никогда не требовал. При наличии некоторых навыков работы с ней она позволяет достаточно хорошо ориентироваться в фольклорном материале. По мере поступления новых данных ее можно совершенствовать, объединяя или разъединяя статьи, а также расширяя библиографию, точнее говоря, источниковедческую базу. Обвинения в европоцентризме и якобы вытекающей отсюда неразрешимости задачи распознания отдельных элементов по мере отдаления от европейских материалов не имеют никакого практического смысла, ибо такого рода трудности, как можно себе представить, возникают только у д.и.н. Ю.Е.Березкина.

Относительно необычности, не говоря уже о новизне подхода д.и.н. Ю.Е.Березкина, тоже возникают очень большие сомнения. Его система при внесении поправок на археологизм (по аналогии с европоцентризмом) есть не что иное, как ложно понятая, финская школа. Вот что об этом писал Пропп:

«Представители этой школы добывают и сравнивают варианты отдельных сюжетов по их мировому распространению. Материал группируется гео-этнографически по известной, вперед выработанной системе, и затем делаются выводы об основном строении, распространении и происхождении сюжетов. Однако, и этот прием вызывает ряд возражений. Как мы увидим ниже, сюжеты (в особенности сюжеты волшебных сказок) состоят в теснейшем родстве между собой. Определить, где кончается один сюжет с его вариантами и где начинается другой, можно лишь после межсюжетного изучения сказок и точной фиксации принципа отбора сюжетов и вариантов. Между тем, этого нет. Перемещаемость элементов здесь также не принята во внимание. Работы этой школы исходят из неосознанной предпосылки, что каждый сюжет есть нечто органически-цельное, что он может быть выхвачен из ряда других сюжетов и изучаться самостоятельно»[8].

Из высказываний д.и.н. Ю.Е.Березкина можно понять, что предлог (excuse) для создания «аналитического каталога» состоит в том, что «этнологи и фольклористы почти всегда полагали, что их материалы не могут служить основой для реконструкции того, что случилось в далеком прошлом»[9]. Или: «Отсутствие прогресса в

[7] Там же.
[8] Там же, с.18.
[9] Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение, 2007, № 1, с.70.

пополнении каталога сюжетов (мотивов? – *ПБ*) тем и объясняется, что эта работа важна лишь в рамках подхода к фольклору как к источнику данных о прошлом. В ином случае она сугубо второстепенна»[10].

Трудно сразу уловить, что д.и.н. Ю.Е.Березкин имеет в виду, когда говорит о том, что фольклористы полагают невозможным использовать фольклор в качестве источника о прошлом. Если речь идет о том, что фольклор не является историческим источником, то это с этим спорить не приходится. Если речь идет о происхождении отдельных жанров фольклора, например, волшебной сказки, то об этом давным-давно писал Пропп:

> «**...** пока нет правильной морфологической разработки, не может быть и правильной исторической разработки. Если мы не умеем разложить сказку на ее составные части, то мы не сумеем произвести правильного сравнения[11].

Если же речь идет об этногенетических исследованиях (скорее всего, так и есть), то в них фольклор с теми или иными оговорками всегда использовался как источник наряду с другими неписьменными (=неисторическими) источниками. Вопрос всегда состоял не в том, возможно ли вообще использовать данные фольклора в подобных исследованиях, а в том, как это возможно сделать. Вероятно, д.и.н. Ю.Е.Березкин полагает, что нашел такой способ. Этот способ состоит в самом факте создания каталога под названием «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог». Прежде всего, непонятно, что в этом каталоге такого уж аналитического, с точки зрения извлечения этногенетической информации?

Помимо прочего, чтобы заниматься подобными исследованиями вовсе не обязательно создавать некий абсолютный каталог мотивов. Для этого достаточно задаться вопросом о родстве тех или иных народов и сравнить корпус данных по фольклору. Результат можно предсказать заранее. Похожие фольклорные традиции окажутся похожими друг на друга. С этой точки зрения даже уместнее создавать каталоги по этнической принадлежности, чем, собственно говоря, исследователи разных стран и занимаются давно и довольно успешно. Более того, для выводов этногенетического характера вполне хватает сравнений на основе публикаций сборников мифов и сказок. Здесь нет ничего осо-

[10] Березкин Ю.Е. Умная невестка и пленный хан, или то, чего нет в указателях
[11] Там же, с.27.

бенно мудреного, чтобы возникла нужда создавать некий всемирный каталог каталогов. По мере накопления сравнительных исследований естественным образом пополняется и база данных. Каталоги по разным народам в сумме и составляют такую базу данных.

Впрочем, мы можем сколько угодно рассыпаться по части несостоятельности построений д.и.н. Ю.Е.Березкина. В глазах ученой публики, в наше время не слишком избалованной высшим образованием, такие доказательства, т.е. критика понятий с помощью других понятий, выглядят совсем не убедительно. Для них убедительными являются карты, или, точнее, схемы, составленные по образцам археологических карт.

Между тем, составление карты для демонстрации распространения артефактов определенного вида есть не что иное, как повторение того или иного тезиса в виде его словесной формулировки. Здесь нет элемента доказательства, поскольку тезис не доказывается его повторением разными способами.

Карты нужны для другого, а именно для *презентации*. Тексты д.и.н. Ю.Е.Березкина рассыпаются при самых слабых соприкосновениях с логикой, превращаясь в набор голословных утверждений, соединенных между собой лишь синтаксически. Чистый синтаксис без малейшей примеси логики, или, говоря иначе, чистое содержание без какой-либо формы. Тут главное (основа основ иллюзионизма) – отвлечь внимание зрителей. И делается это с помощью картографирования «аналитических единиц» (можно было бы предложить термин «аналитические единицы Березкина», по аналогии с рентгеновскими лучами или постоянной Планка). Как замечено однажды: «Ведь нет на свете ничего более впечатляющего и яркого, чем детализированная географическая схема»[12].

Для д.и.н. Ю.Е.Березкина археологический артефакт и фольклорный мотив в одинаковой мере являются «вещами», но не потому, что фольклорные мотивы материальны так же, как и предметы археологической культуры (с этим никто не спорит), а потому, что, по его мнению, фольклорные мотивы должны изучаться так же, как археологические находки. Если в слоях древней скандинавской культуры мы находим буддийскую фигурку, мы обязаны сделать вывод о ее пришлом характере. Подобные рассуждения д.и.н. Ю.Е.Березкин применяет к фольклорным «артефактам» с точностью до методов выделения археологических культур. В этом заключается абсолютная идея д.и.н. Ю.Е.Березкина, который не понимает, что в фольклоре нет культурных

[12] Шломо Занд. Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2011, с.219

слоев, нет границ между мотивами («находками»), которые можно было бы рассматривать в качестве *отдельностей* подобно тому, как это делается в археологии.

Попробуем обратиться к конкретным текстам.

> «Проведенное исследование показало, что лингвистическое родство не является определяющим фактором, влияющим на сходство наборов мотивов, характерных для изученных традиций. Превалирование фактора географической близости над фактором языкового родства не вызывает сомнений. Строго говоря, интуитивно и эмпирически это было ясно с самого начала работы по созданию базы данных фольклора и мифологии. Существенно, однако, что применение достаточно изощренной математической процедуры данное мнение подтверждает»[13].

Кому это *было* ясно? Если это очевидная истина, к чему здесь применение «математической процедуры»? И, кроме того, почему подсчет абсолютной частоты конкретных мотивов в имеющемся наборе данных (*зд.* отдельной традиции) является «изощренной математической процедурой»? Решить такую задачу, кажется, вполне по силам даже школьнику.

При характеристике используемого метода, д.и.н. Ю.Е.Березкин или его соавторы начинают с термина «попарная близость между традициями»: «Любым двум традициям ***T[i]*** и ***T[j]*** может быть сопоставлена функция расстояния ***S(T[i]. T[j])***, отражающая близость их мотивов»[14]. В переводе на человеческий язык это означает, что бывают традиции похожие (близкие), а бывают не похожие. В любом случае при сравнении традиций по частоте встречаемости различных мотивов, необходимо составить таблицу с данными. Где таблица, уважаемые? Кстати говоря, такой таблицы будет достаточно, чтобы оценить расстояние между сравниваемыми традициями.

[Примечание. Все эти «методы интеллектуального анализа данных» (Data Mining) в области исследований фольклора выглядят нелепо, если помнить, для решения какого рода задач они используются, а именно: травматизм среди курящих, характеристики клиентов, которые собираются отказаться от услуг телефонной компании, число покупок по украденной и не украденной карточке и т.п.]

Причем заранее можно сказать, что, например, японская традиция гораздо дальше от русской традиции, чем, скажем, бело-

---

[13] Сенько О.В., Березкин Ю.Е., Боринская С.А., Козьмин, А.В., Кузнецова А.В. Исследования фольклорно-мифологических традиций с использованием методов интеллектуального анализа данных // Открытие Америки продолжается. Вып.4. СПб., 2010, с.107.

[14] Там же, с.99.

русская. Можно ли на этом основании говорить о превалировании географического расстояния над лингвистическим? Можно говорить лишь о том, что устные традиции, носителями которых являются представители одной языковой семьи, разнесенные в пространстве, могут сильно различаться друг от друга. Но это, на самом деле, расстояние не в пространстве, а во времени. Студентам-этнографам все это становится известно уже на первом курсе. Доказывать с помощью математических методов, что кечуа, живущие в горах Южной Америки, – это не сиу, живущие в прериях Северной Америки, есть довольно странное занятие.

И, все-таки, зачем д.и.н. Ю.Е.Березкину выведение закона приоритета географической близости традиций над лингвистической? Очень просто. Без этого допущения очень трудно подгонять данные по фольклору под данные археологии, физической антропологии или популяционной генетики.

Между прочим, при сравнении устных традиций было бы гораздо проще и нагляднее применить процедуру измерения расстояния Хемминга, приняв ряд мотивов, характерных для данной традиций, за слово, в котором буквами выступают мотивы.

Что же этому мешает? Сущий пустяк. *Математические методы в исследованиях д.и.н. Ю.Е.Березкина – это методы, про которые сам д.и.н. Ю.Е.Березкин думает, что он их применяет.* Дело в том, что для их использования нужно сначала произвести измерения мотивов, которые заносятся в таблицы. Однако у фольклорных мотивов нет свойств, которые поддаются числовому выражению. Расстояние между мотивами не взвесишь на весах и не измеришь в сантиметрах. А без измерения нельзя сказать точно, равны ли те или иные мотивы друг другу или нет.

Говоря иначе, в фольклоре всякий раз нельзя определить, идет ли речь об одной точка или двух разных точках. Выше мы уже приводили слова Проппа о том, что не существует вполне объективных критериев (точнее, методик) для отделения одного сюжета от другого или сюжета от варианта. Тоже самое, даже в большей степени, можно сказать о мотивах. Можно определить понятие сюжета или мотива. Но д.и.н. Ю.Е.Березкин не признает самой возможности точного определения понятий сюжета и мотива на том основании, что в известной ему литературе таких определений нет.

Поэтому создание таблиц мотивов для математической обработки фольклорных мотивов принципиально невозможно. Вот почему в работах д.и.н. Ю.Е.Березкина с математическим уклоном мы никогда не найдем подобных таблиц. Когда д.и.н. Ю.Е.Березкин докладывает о результатах, полученных методом главных

компонент, и ты задаешь ему нескромный вопрос о том, как выглядит исходная матрица данных, он категорически отказывается отвечать на этот вопрос, объявляя его бессмысленным. Если, конечно, он вообще знает, что это такое. А исходная матрица – это как раз то, что может составить только сам исследователь. Математик лишь обсчитывает данные, помещенные в такой таблице. Например, в физической антропологии часто используется метод главных компонент. Однако антрополог сначала заполняет специальную таблицу с обмерами, а затем передает математику. И эта таблица будет представлена в опубликованном тесте работы.

Однако, попытаемся выяснить происхождение д.и.н. Ю.Е.Березкина как как человека *науки об. аналитическом (абсолютном) каталоге фольклорно-мифологических мотивов.* Несомненная оригинальность метода д.и.н. Ю.Е.Березкина состоит в том, что он исходит из отсутствия необходимости различать понятия мотива и сюжета. Возьмем достаточно обширное высказывание:

> «Главной аналитической единицей является *мотив*. Хотя некоторые мотивы нашего каталога имеют одинаковую формулировку с мотивами указателя С.Томпсона, с которым работают фольклористы, принципы выделения мотивов различны» (разрядка моя. – *ПБ*)[15]. Томпсоновские мотивы есть наиболее простые, доступные для выделения фабульные и образные элементы, необходимые для формализованного описания текстов. Число подобных элементарных мотивов в отдельном тексте велико и вместе с тем ограничено. При нашем подходе под мотивами понимаются только такие *образные, структурные и фабульные элементы, которые встречаются во многих текстах*. Говорить здесь о выделении мотивов на основе отдельно взятого текста неправомерно. Потенциальное же число мотивов мирового фольклора и мифологии оказывается неограниченным, ибо к числу мотивов отнесены не только простейшие элементы текста, но и любые их сочетания, если они обнаружены многократно»[16].

В книге д.и.н. Ю.Е.Березкина можно найти более краткое и в то же время более определенное высказывание:

> «… мотивом является любой эпизод или образ или комбинации эпизодов и образов, которые обнаруживаются в разных текстах[17].

Примерно том же самое д.и.н. Ю.Е.Березкин говорит, когда идет со своим каталогом «в народ»:

---

[15] Простите, это как надо понимать?! Принципы различны, а результаты одинаковы? – *ПБ*.

[16] Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение, 2007, № 1, с.71.

[17] Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007, с.166.

> «Аналитической единицей Каталога является мотив, т.е. любой эпизод или комбинация эпизодов и образов, которые обнаруживаются в разных текстах. Мотив может соответствовать и длинной фабульной цепочке, если та копируется целиком»[18].

Таким образом, для д.и.н. Ю.Е.Березкина «мотивом» является любой понравившийся ему кусок фольклорного нарратива независимо от размерности – имя персонажа, собственно мотив, часть нарратива или целый сюжет. Д.и.н. Ю.Е.Березкин с победоносным видом одергивает А.Дандиса:

> «Критикуя С.Томпсона, А.Дандес писал, что фольклорные мотивы нельзя использовать в качестве аналитических единиц, поскольку они обозначают несопоставимые друг с другом объекты – существа и предметы, качества, действия и т.п. Эта критика не кажется обоснованной, ибо мы каждый раз сравниваем друг с другом не предметы и действия, а единицы текста»[19]. Это называется «Срезал». Сравнивая единицы текста, мы сравниваем описания «существ и предметов, качеств, действий и т.п.»

Поразительно, с какой быстротой и в каком количестве д.и.н. Ю.Е.Березкин продуцирует мысли, которые, как он полагает, раньше никому не приходили в голову. Например, все говорят, что земля круглая, а ведь она, на самом деле, плоская! То, что Пропп, а вслед за ним Дандис, вполне грамотно рассматривают как грубейшую логическую ошибку, д.и.н. Ю.Е.Березкин закладывает в качестве основоположения своей теории.

Сам процесс выделения мотивов у д.и.н. Ю.Е.Березкина сводится к именованию, который, в свою очередь, определяется исключительно поэтическим талантом д.и.н. Ю.Е.Березкина («мстительный таракан» и т.п.)[20]. Не удивительно, что, в конечном счете, он классифицирует имена, или обозначения, им же присвоенные разнородным фактам фольклора.

Надо сказать, д.и.н. Ю.Е.Березкин и в этом отношении изрядно запаздывает. В литературоведении такое понимание мотива, как «смыслового пятна», повторяющегося в тексте: «В роли

---

[18] Idavirus.livejournal.com/260826.html. Что касается «длинной фабульной цепочки, если та копируется целиком», мы помилосердствуем, побережем нервы читателей, оставив в стороне теорию д.и.н. Ю.Е.Березкина, согласно которой мифологические мотивы являются «репликаторами» (см. Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007, с.164-166).

[19] Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007, с.167.

[20] Надо понимать, что, если все это кому-то не понравится, он оставляет за собой право пожаловаться в высшие инстанции или принять какие-либо другие действенные меры.

мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами («персонажами» или «событиями»), здесь не существует заданного «алфавита» – он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру (sic! – *ПБ*)»[21]. Но что позволено литературе, то не позволено фольклору.

Здесь уместно сделать некоторые уточнения. Во-первых, идея определения мотива, которое д.и.н. Ю.Е.Березкин отрицает, принадлежит, все-таки, не Томпсону, а Веселовскому. Во-вторых, перед нами не определение в строгом смысле этого слова, поскольку в нем указывается только родовой признак и не указываются видовые признаки. Это все равно как выделять отдельные этносы на основе определения «этнос – это большая группа людей». Наконец, что такое «аналитическая единица»? Если это синоним термина «минимально возможная составная часть», то об этом, опять-таки, писал еще Веселовский, и к каталогу д.и.н. Ю.Е.Березкина он применения не имеет. Если это синоним термина «единица анализа», то он используется в несобственном смысле, так как данный термин имеет значение «минимальная часть целого, сохраняющая все его основные свойства».

Кажется, все дело в том, что в философской системе д.и.н. Ю.Е.Березкина роль абсолютной идеи играет его *собственный здравый смысл*, который и подсказывает ему решения этногенетических задач. Свозь дымовую завесу математических методов проглядывает хорошо знакомый метод спекулятивных построений.

Тексты д.и.н. Ю.Е.Березкина действительно представляют собой бессвязный набор если не слов, то предложений. Поэтому вместо доказательств приводятся карты. Как краткость – сестра таланта, так наглядность – мать убедительности. Простенько, но действует! Обычно у зрителей не возникает никаких вопросов, хотя карты являются лишь повторением (см. выше) предлагаемых им тезисов, вроде: традиция ***x*** ближе к традиции ***y***, чем традиция ***z***. По ходу дела Ю.Е,Березкин еще и перекраивает этнографическую карту мира, выделяя и объединяя известные ареалы по своему усмотрению. (В этнографии такие ареалы называются историко-этнографическими областями.)

[21] Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1994, с.30-31.

В какой-то момент из рукава достается козырная карта – методы точных наук. Безусловно, использование таких методов может только приветствоваться. Но у д.и.н. Ю.Е.Березкина их слишком уж много. Это и метод главных компонент, и корреляционный анализ, и – даже! – методы «интеллектуального анализа данных».

Так как же из указателя (не аналитического каталога) сделать аналитический? Покажем это на схеме, взяв два примера, которые показывают, что сам д.и.н. Ю.Е.Березкин своим каталогом не пользуется, а если пользуется, то только при посредничестве указателя ATU, служащего д.и.н. Ю.Е.Березкину настольной книгой[22]:

Было		Стало
411 ***The King and the Lamia.*** A king sees a lovely girl who is actually a snake-woman [B29.1], falls in love, and marries her. Little by little the king's health deteriorates. A fakir tells him to feed his wife salty food and to stay up at night and watch her. The wife assumes her snake form and goes for water. An oven is heated red-hot and the snake is pushed in. A pebble is found in the ashes: Anything that it touches turns into gold [D1469.10.1].	→	**L125** **Жена-оборотень**. Сойдясь с красавицей, мужчина застает ее в положении, когда проявляется ее нечеловеческая природа. После этого брак распадается.
1063A ***Throwing Contest***. (Including the previous Type 1063B.) An ogre (giant) and a man have a throwing contest. This tale exists chiefly in two different forms: (1) The man pretends to throw a stone (rock) so far that it will destroy a village (house) beyond the sea (mountains), or he warns Angel Gabriel (St. Peter) to look out [K18.1, K18.1.1, K18.1.2]. (2) The man pretends that he will throw a stone to a distant point (Constantinople) where it will strike one of the ogre's relatives. (Previously Type 1063B).	→	**M199c1** ***Кто бросит камень дальше*.** Человек и его противник договариваются испытать силу – кто дальше бросит тяжелый предмет. Человек делает вид, будто собирается забросить предмет так далеко, что могут пострадать те, кто за море, за горой, в далеком городе и т.п. (в т.ч. родственники противника). Тот отказывается от испытания.

Таким образом, этногенетические построения д.и.н. Ю.Е.Березкина никак не связаны с его собственным каталогом. В то же время указатель Аарне никогда не рассматривался в качестве инструмента для исторических разысканий. А история, как известно, является реконструкцией прошлого по его остаткам в настоящем.

С другой стороны, выводы д.и.н. Ю.Е,Березкина никак не связаны с реальностью, имея в виду «реконструкцию того, что

[22] Проверено экспериментальным путем. Зачем держать годами дома плохой указатель ATU, если в интернете висит хороший каталог д.и.н. Ю.Е.Березкина? – *ПБ*.

случилось в далеком прошлом». На практике крайне вольное обращение с понятием мотива (см. выше) выглядит именно так, как изложено в статье д.и.н. Ю.Е.Березкина «Происхождение смерти – древнейший миф» (2007), представляющей собой парадигму всех его исследований, или так называемую «образцовую теорию». В этой статье мы обнаруживаем географические схемы, которые так любят археологи, и те самые таблицы, которые мы так долго искали[23]. (В отношении последних можно добавить следующее. Метод главных компонент используется для понижения размерности. О каком понижении размерности может идти речь, если система координат состоит только из одной оси?)

Для нас самое интересное в упомянутой статье заключается в подведении итогов:

> «Подведем итог. Особенности ареального распространения мифологических мотивов, касающихся происхождения смерти, позволяют предположить, что этот раздел мифологии сформировался еще до выхода человека современного типа из Африки. То, что именно данная тема рано оказалась в фокусе мифологической мысли, вряд ли вызовет удивление. По-видимому, еще до начала расселения за пределы Африки факт смертности человека получил несколько объяснений, совмещавшихся в пределах близких культурных традиций, в результате чего все варианты были сохранены мигрантами, заселившими в итоге другие континенты. Поскольку у бушменов и готтентотов представлены лишь два варианта ("Ложная весть" и "Луна и бессмертие"), предки койсанских народов вряд ли контактировали с покинувшими африканский континент группами. Отсутствие в западной Евразии большинства рассмотренных эсхатологических мотивов, характерных для индо-тихоокеанской зоны, может быть результатом как случайной утраты определенных элементов культуры небольшой предковой популяцией, так и вытеснения "архаического" набора мотивов другими наборами в более поздний период. Допустимо, что эсхатологические мифы со смертью в роли субъекта действия имеют такое же древнее африканское происхождение, как и мифы с "индо-тихоокеанским" набором мотивов. Поскольку, однако, контакты между Европой и Африкой никогда не прерывались, исходный ареал и время распространения мотивов, общих для обоих континентов и отсутствующих в других регионах, надежно установить трудно»[24].

Общий итог выражен в самом названии статьи – миф о происхождении смерти – древнейший миф. То есть, если я правильно понял «реконструкцию» д.и.н. Ю.Е.Березкина, в истории человечества был период, когда существовал только один миф, темой

[23] Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение, 2007, № 1, табл.1, 2, 3.
[24] Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение, 2007, № 1, с.86..

которого было объяснение происхождения смерти? Эту идею д.и.н. Ю.Е.Березкину подсказывают две вещи. Во-первых, повсеместное распространение этого мифа, а, во-вторых, «то, что именно данная тема рано оказалась в фокусе мифологической мысли, вряд ли вызовет удивление». Я не стану восстанавливать две эти энтимемы д.и.н. Ю.Е.Березкина до полных силлогизмов, поскольку предвижу, что получится что-то очень смешное. Следуя точке зрения д.и.н. Ю.Е.Березкина, глобальное распространение колеса говорит о его изобретении «до выхода человека современного типа из Африки».

Как пишут в учебниках по логике, иногда к этимеме прибегают нарочно, желая получить неожиданное (в нашем случае необоснованное) заключение.

Что же касается спасательной (лучше сказать, спасительной) гипотезы о том, что отсутствие большинства эсхатологических мифов[25] в «западной Евразии» объясняется забывчивостью наших далеких предков или вытеснением новым набором мотивов, можно указать на то, что фольклорное пространство непрерывно. Явления фольклора не исчезают бесследно, переходя в другие виды фольклора. Волшебные сказки народов Европы («западной Евразии») буквально кишат мотивами, которые своими корнями восходят к мифам о происхождении смерти. Одним из таких мотивов является мотив «смена кожи» (ср. сожжение героем кожи царевны-лягушки в известной русской сказке и др.). В целом тема смерти в той или иной форме звучит практически во всех сказках при соответствующем преобразовании в тему воскресения героя или наказания его противников. Не стоит при этом забывать тезис о пронизанности мотивов, когда-то сформулированный О.М.Фрейденберг.

Так что мало наносить что-то на карту, надо еще знать, что наносить. Раньше была только альтернативная история, теперь будет еще и альтернативная фольклористика.

24 июля 2020 г.

[25] Мифы, рассматриваемые д.и.н. Ю.Е.Березкиным, не являются эсхатологическими. Об этом можно узнать даже из справочной литературы: «Своеобразным пределом развития космологических представлений явились эсхатологические мифы, ориентированные не на «начало», а на «конец мира, победу сил хаоса над космической структурой» (см.: Байбурин А.К. Миф // Народные знания, фольклор, народное искусство. Свод этнографических понятий и терминов. Вып.4. М., 1991, с.77).